

ГЕНРИ МОР

ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ ДУШИ

ПРИБАВЛЕНИЕ КАК АППЕНДИКС К СЕЙ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ ПЕСНИ ДУШИ*

23

Открыть позволь мне, как велик Эфир¹,
Который восприемлет все тела.
Тогда Фантазия увидит странный мир,
Где ведьмы воют на краю села.
Стигийские обряды² провела
Их стая, а вокруг летят

* Продолжение, начало см. в: EINA I: Философия, Религия, Культура. Т. 11. № 2 (22), 2022. С. 106–121. Поэтический перевод с англ. языка *Н. В. Носова*. Перевод выполнен по изданиям: More H. *ΨΥΧΩΔΙΑ PLATONICA: or a Platonicall Song of the Soul*. Cambridge: Printed by Roger Daniel, Printer to the University, 1642 // *Philosophicall Poems, by Henry More: Master of Arts, and Fellow of Christs Colledge in Cambridge, 1647; The Complete Poems of Dr. Henry More (1614–1687) for the first time collected and edited by the Rev. Alexander B. Grosart... St. Georges, Blackburn, Lancashire: printed for private Circulation, 1878*. Примечания, комментарий и научная редакция текста *А. В. Цыба*, перевод и уточнение греч. и латинских цитат *О. Ю. Бахваловой*.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00753, <https://rscf.ru/project/23-28-00753/> / The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project «Origenism at the Cambridge School», № 23-28-00753.

¹ «...Treasures of the Air / That immense womb from whence all bodies spring; / And then the force of Phantasie declare». — В оригинале несколько иной смысл, т. к. речь идет о Воздухе как о том первом веществе, из которого рождаются тела силой фантазии, которой обладают души, ищущие новые носители. Воздух — субстанция для носителей человеческих душ после их отделения от тел, Эфир — более тонкая субстанция, из которой состоят носители ангелов, гениев и демонов.

² «Stygian rites» — здесь имеются в виду колдовские обряды вообще с отсылкой к Стигийскому озеру, или болоту, в которое впадает река Стикс в Аиде (Verg. Aen. VI. 134).

Печальных призраков прозрачные тела.
 Но эти образы ум к истине стремят,
 А души через них небесный мир узрят.

24

Даруйте силу честно показать,
 Как души, существуя прежде тел,
 В них входят и выходят³, чтобы стать
 Еще умней и лучше — вот удел
 Для них⁴. О, муза, я б воспел,

³ «Show fitly how the preexistent soul / Inacts and enters bodies here below / And then entire, unhurt, can leave this mould / And thence her airy Vehicle can draw, / In which by sense and motion they may know / Better then we what things transacted be / Upon the Earth; and when they list, may show / Themselves to friend or foe, their phantasie / Moulding their airy Orb to grosse consistency» — «Я сообразно покажу, как предсущая душа / Воздействует и входит в тела здесь внизу, / И затем целая, невредимая, может оставить этот удел, / И отсюда она может притянуть [к себе] свой воздушный Носитель, / [Находясь] в котором, благодаря способности ощущать и движению они могут познать / Лучше, чем мы, то, как вещи пребывают над Землей; / И когда они [таким образом] выстраиваются, могут явить себя другу или врагу, их фантазия / Облекает их воздушную Сферу в плотный состав».

⁴ Это — главная линия поэмы, на что, собственно, указывает ее название. Кроме того, идея предсуществования душ составляет важнейший компонент оригенистической гетеродоксии Генри Мора на фоне всей английской теологии XVII века. Поясняя общую диверсификацию английской философии этой эпохи, С. Хаттон указывает на важнейший факт — попытку синтеза картезианства и оригенизма, осуществляемую Г. Мором в его ранних сочинениях. Она пишет: «Философия изучалась в университетах как пропедевтическая теология, играя ключевую роль в естественной теологии, в которой студенты обучались способам обсуждения теологии рационально, и тому, насколько религия может быть продемонстрирована “естественным светом”. Генри Мор ссылается на эту апологетическую, или защитную роль философии, объявляя апологетическую цель своих философских трудов: «мой план (my Designe), — пишет он в предисловии к своему “A Collection of Several Philosophical Writings” 1662 г., — следует не богословствовать в философии, а выстроить Экзотерическую Ограду или Внешнее Укрепление вокруг Теологии» (*More H. A Collection of Several Philosophical Writings. London: James Flesher, 1662. Preface General, VI*). Несмотря на расхождения во мнениях о том, в какой степени разум может служить ориентиром в религиозных вопросах, в репертуар источников естественной теологии были включены аргументы из классических текстов Цицерона «De natura deorum», а также аргументы, разработанные учеными-теологами. С падением старой аристотелевской системы потребовались новые аргументы. Первоначально картезианство казалось привлекательным для многих как новая основа для защиты истины религии, особенно в том, что Ральф Кедворт назвал «эпохой подлинной философии» (*Cudworth R. The True Intellectual System of the Universe.*

Как Проводник тех душ с земли наверх
Отважно и спокойно их провел.

London: Richard Royston, 1678, sig.***2v). Как и многие другие, и Мор, и Кедворт восприняли философию Декарта как лучший инструмент для подтверждения существования Бога и нематериальных душ. Но вскоре стало очевидно, что картезианство имело свои ограничения для целей естественной теологии... Радикальное переформатирование отношений философии и религии Спинозой и Гоббсом усилило опасения, что философия является прародительницей атеизма и неверия. По мнению Мора, путь к атеизму Спинозы пролегал через картезианство: «Спиноза, прежде всего, еврей, затем Картезианец, а теперь Атеист» («Henry More to Robert Boyle» в «The Conway Letters»: The Correspondence of Anne, Viscountess Conway, Henry More, and their Friends: 1642–1684, ed. Marjorie Hope Nicolson and revised by Sarah Hutton (Oxford, 1992), 519). Таким образом, реальная угроза того, что атеистические выводы могут быть результатом рационального анализа религиозных вопросов, создавала проблемы для тех, кто считал совместимыми разум и веру и кто был особенно уязвим для обвинений в том, что они открывают путь к гетеродоксии и, следовательно, атеизму. Хотя все они опирались на платонизм, Мор, Кедворт и Конвей были носителями (beneficiaries) декартовского поворота в философии. Мор был одним из первых англичан, кто пропагандировал философию Декарта в университетах, и он познакомил Энн Конвей в изучении философии с помощью Декарта. Кедворт был глубоко погружен в философию Декарта, которым он восхищался как «утонченным философом» (Cudworth, TIS, 646. См.: Hutton S. Cartesianism in Britain // in The Oxford Handbook of Cartesianism, ed. Steven Nadler and Tad Schmalz. Oxford, 2019. P. 496–513. Хотя все они утверждали, что религиозная истина может быть защищена философски, в их индивидуальных религиозных верованиях все трое отошли от ортодоксии: Генри Мор присоединился к теологически неортодоксальной доктрине о предсуществовании душ, Ральф Кедворт был вдохновлён платоническим субординационистским представлением о Троице, в то время как Энн Конвей отрицала существование ада и поддерживала доктрину апокатастасиса, или всеобщего спасения. В христианской традиции использование платонизма имело свои недостатки, учитывая негативные ассоциации платонизма с тринитарной ересью после Никейского собора, когда на платонизм была возложена ответственность за арианскую ересь. Неортодоксальность самого платонического из Отцов церкви, Оригена, приписывалась его платонизму. Корреляция между платонизмом и религиозной гетеродоксией вновь проявилась в XVII в. с появлением новых форм антитринитаризма, особенно социанизма. В то же время в Англии произошел ренессанс Оригена, особенно среди антикальвинистских мыслителей, связанных с Кембриджским университетом, среди которых были Кедворт и Мор. Этот интерес к Оригену не приветствовался после восстановления монархии, когда была восстановлена духовная власть Церкви Англии, и был атакован как неортодоксальный, что было сделано наиболее выразительно Самуэлем Паркером в его «Свободном и беспристрастном порицании Платонической философии» (1666), направленном на этих «оригенистов наших дней» (latter day Origenists), то есть на Кембриджских Платоников.

Мор считал, что христианство было рациональной религией («Я вижу христианскую религию рациональной на протяжении всей [истории]», *More H. A Collection of Several Philosophical Writings...*, Preface, Sect. IV), но не за счет откровения. Это, пишет он, —

То выдумкой покажется для тех,
Кто не отрекся от земных утех.

«особая прерогатива» христианства, «оно смеет взывать к разуму» (Ibid., V.). Первоначально Мор оценил картезианство как основной источник для рациональной защиты религии и провел параллель между своими собственными намерениями и намерениями Декарта: «Мы оба, исходя из одних и тех же склонностей, хотя и идем различными путями, — один работает в нижнем течении Демокритизма [т. е. атомизма], среди густой пыли Атомов и летающих частиц Материи, другой, прокладывает путь над высокими и просторными Холмами Платонизма, в этой более разреженной и утонченной Области Нематериальности, — мы встречаемся у одной Цели, а именно у Врат священной Библии, посвящая наши радостные труды на пользу и славу Христианской Церкви» (Ibid. IV). В своем «*Epistola H. Mori ad V. C.*» Мор защищает религиозные убеждения Декарта, утверждая соответствие Декартовой физики описанию творения в кн. Бытия, и что демонстрация Декартом существования Бога — лучшее, что может придумать человеческий разум (*Epistola H. Mori ad V. C. quæ apologiam complectitur pro Cartesio, quæque introductionis loco esse poterit ad universam philosophiam Cartesianam / More H. CSPW, 1662*). Но Мор позже отказался от своего первоначально благоприятного взгляда на картезианство. Хотя он продолжал считать, что Декарт сам не атеист, он пришел к выводу, что декартовская философия была угрозой религии, потому что она слишком много приписывала движению материи и не смогла продемонстрировать местонахождение души. Переоценка Мором своего отношения к Декарту может быть связана с внешними факторами. Одним из них было растущее понимание того, что Декарт открыл путь другим для развития материалистических философий, наиболее известными примерами которых были учения Гоббса и Спинозы. (*Gabbey A. Philosophia Cartesiana Triumphata: Henry More (1646–1671) // Problems in Cartesianism, ed. T. M. Lennon et al. Kingston & Montreal, 1982. P. 171–250*). Но даже до этого, в течение 1660-х г., на Мора оказывалось давление из-за его религиозных взглядов. В частности, его публичное восхищение Оригеном и его расположение к неортодоксальной доктрине предсуществования души не были положительно восприняты новыми властями Церкви Англии. В 1640-х г. Мор, похоже, еще не заботился о том, чтобы как-то оправдать своё восхищение Оригеном. Возможно, потому, что он писал стихи. Или, возможно, потому, что в отсутствие церковной цензуры это был период, когда свободно распространялись неортодоксальные взгляды многих видов. Кажется, только после Реставрации он почувствовал необходимость защитить свою позицию. Учитывая неортодоксальность Оригена, неудивительно, что Мор имел своих недоброжелателей в англиканском церковном истеблишменте после Реставрации. Центральное место в их возражениях занимала доктрина предсуществования души. Столкнувшись с цензурой церковных властей, Мор в конечном итоге достиг компромисса: он будет ссылаться на доктрину только как на гипотезу, а не как на истину. Тем не менее он продолжал рекомендовать ее на философских основаниях, — например, с помощью причинно-следственной теории, с помощью которой он предложил компенсировать недостатки механистической физики Декарта, своей гипотезой о Духе Природы, одна из функций которого заключается в подготовке материи к принятию предсуществующей души и ее соединение с телом. Хотя нет прямой связи между теорией предсуществования Мора и его принятием или отказом от картезианства, более чем вероятно, что он посчитал

25

Сказал философ — воздух суть архэ⁵.
Все вышло и вернется вновь в Эфир.
Так все тела, все трупы без Псюхэ —
Которых волк не грыз, ни лев, ни тигр —
Все ж образом неясным снова в мир
Воздушный возвращаются, лишь твердь
Остова костного без кожи, мяса, жил
Немного полежит, но через много лет
Она исчезнет, не оставя след.

26

Все тучи в небе — физик говорит —
И облака сгущенный воздух суть.
На чашке, коль внизу огонь горит,
Из воздуха вдруг замечаешь муть,
Сгущается она, вверх устремляя путь,
Эфир разреженный уходит ввысь один,
А пар воздушный вниз стремится вернуть
Лишь капли возникающей воды —
Которые сверкают, словно льды.

27

*That learned Leech*⁶ эксперимент другой
Сам в Альпах горных часто наблюдал —
Как ветер яростный гнал тучи под скалой
И воду высекал из этих скал.
Дождь благодатный поле увлажнял,

необходимым отделить свою собственную философию от ассоциации с другими философиями, которые могут быть сочтены угрожающими религии» (См.: *Hutton S. Philosophy, Religion, and Heterodoxy in the Philosophy of Henry More, Ralph Cudworth, and Anne Conway. Church History and Religious Culture, 2020, 100 (2–3), <https://doi.org/10.1163/18712428-10002002> . P. 162–163).*

⁵ «For sooth to saying, all things of Air consist / And easily back again return to air» — «Для справедливости скажу, все вещи состоят из Воздуха / И в воздух возвращаются легко обратно»

⁶ «That learned Leech» — возможно, это идиома «ученый червь», аналогичная нашему выражению «ученый сухарь», означаящему дотошного исследователя.

Под Фебом⁷ тучи исчезали вдруг.
 Но видел он, как ветер высекал
 Из туч то камни, то зерно, то чей-то труп,
 Огонь и землю, что лежит вокруг.

28

Да, все тела есть воздух, словно ртуть,
 Изменчивая, как Меркурия природы строй.
 Способная в мириадах форм свой путь
 Вести, храня в себе состав иной.
 Ртуть испарится, оставляя слой
 То золота, то серебра, то медяной —
 Подобно этому душа в себя другой
 Земной состав приемлет все же, но
 Уйдя в эфир, оставит все равно⁸.

29

Так, облеченная в материю душа,
 Коль сила есть внизу дела свершать,
 Способна сей воздушный, не спеша,
 Исходный строй в земное воплощать.
 Цвет, форму, твердость, лик всем придавать.

⁷ Греческий бог Аполлон в функции солнечного бога.

⁸ «Wherefore all bodies be of air composed / Great Natures all-complying Mercury, / Unto ten thousand shapes and forms disposed» — «Ведь все тела являются составленными из воздуха / Великих Стихий, в полноте содержащихся в Меркурии, / Разделенных до мириады очертаний и форм». «Like nimble quick-silver that doth agree / With gold with brass or with what ere it be / Amalgamate, but brought unto the fire / Into an airy fume it all doth flie, / Though you before might turn to earth and mire / What into ancient air so quickly doth retire» — «Как проворная ртуть, которая легко смешивается / С золотом, медью, с чем угодно, но, поднесенная к огню, / Она вся разлетается воздушным дымом. / Хотя прежде ты мог превратить в землю и грязь то, / Что в так быстро уходит в седой воздух» — Метафора этой строфы отсылает к алхимическим представлениям о происхождении металлов: Меркурий, «наипервейший в творении металл», «праматерь других металлов» содержит в себе все остальные (см.: *Фламель Н.* Краткое изложение философии // *Алхимия*, пер. Г. А. Бутузова. СПб.: Азбука, Петербургское востоковедение, 2001. С. 126); он содержит в себе «субстанцию основ», его «меркуриальный дух» делает остальные металлы «телесными» (Там же. С. 130), формирует их, как дерево взращивает плод (Там же. С. 135). Если на него воздействовать огнем неумело, то «злой и ядовитый дым» может быть опасен для жизни (Там же. С. 127).

Давать способность речи, но потом,
Свой образ даровав, вдруг улетать
Обратно в тот Эфир⁹, и лишь с большим трудом
Фантазия отделит явь со сном.

30

Похоже можно будет наблюдать,
Как бьющийся в горячке пациент,
Чтоб телу меньше было бы страдать,
В мозгу его фантазии и бред
Играют, чтобы дать простой ответ
На боль телесную, горячка ж не отступит —
Кровь зараженная усилит порчу бед.
Фантазия боль, страх его притупит,
Но смерть как неизбежный рок наступит.

31

Врачебные нам говорят дела —
Фантазии способны воплотить
Иные образы в физических телах.
Возможно бешенством больного отличить —
Мочу с собачьей стоит лишь сличить.
Беременные женщины порой,
Желая нечто съесть или испить,
Но не исполнив — образ вещи той —
На коже детской возникает слой¹⁰.

⁹ «Wherefore the soul possest of matter meet / If she bath power to operate thereon / Can eath transform this Vehicle to sight, / Dight with due colour, figuration / Can speak, can walk, and then dispear anon / Spreading her self in the dispersed air; / Then if she please recall again what's gone. / Those th' uncouth mysteries of phansie are...» — «Потому же и душа, способная сходиться с веществом, / Если она имеет силу воздействовать на него, / Может легко превратить этот Носитель в видимый, / Облечь его должным цветом, очертанием; / Может заговорить, пройтись, и затем исчезнуть вскоре / Растворившись в окружающем воздухе; / А затем возвратиться вновь, если пожелает. В этом [состоят] необъяснимые тайны фантазии...».

¹⁰ Здесь Мор говорит о «знаках», или «отметинах» (Signature), на теле ребенка, которые проявляются под воздействием воображения будущей матери. К этим примерам Мор обратится и в своем последующем трактате «Бессмертие души» (Кн. I, гл. XIV, п. 10).

32

Иаков¹¹ пестрых коз, овец число
Умножил, прутьев пестрых положив
На тот родник, где видели его
Стада Лавана, плату больше получив¹².
Фантазий силу показал нам миф,
Так видят юноши во сне, как ввысь растут,
Влюбленные, в разлуке истомив,
Свои тела, в мечтах и снах несут
Любимый образ как золотой сосуд.

33

Есть чудеса, Кип римский¹³ увидел
Что пара выросла на лбу его рогов.
После того, как в яви наблюдал,
Как билась утром парочка быков.
Он сам с победой шел после боев,
Фантазия слилась в двух образах,
Так взволновав ему и ум, и кровь,
Что видимое единственно в глазах,
Реальным стало в острых двух рогах¹⁴.

34

Фантазий власть узнали мы вполне,
Их сила может души обмануть¹⁵,
И прикрепить на долгий срок к земле,
Чтобы не дать в Эфир им воспарить¹⁶.

¹¹ Syrian swain.

¹² Кн. Бытия; 30, 31–43.

¹³ Кип — Генуций Кип, римский претор, чья голова вдруг стала «рогатой». Рассказ об этом видении есть у Овидия (Met. V. 565–621) и у Валерия Максима (V. 6. 3)

¹⁴ Agrippa von Nettesheim, Heinrich Cornelius. De Occulta Philosophia Libri Tres. Cologne: 1533. I. LXIV.

¹⁵ «All these declare the force of phantasie / Though working here upon this stubborn clay» — «Все это обнаруживает силу Фантазии, / Хотя ей и приходится здесь иметь дело с таким неподатливым материалом».

¹⁶ «But th'airy Vehicle yields more easily, Unto her beck more nimbly doth obey» — «Но воздушный Носитель уступает легче, / И повинуется более проворно ее манованиям».

Коль чары эти на весь мир разлить,
Наполнить призраками чистый вышний мир —
Никто не смог бы зло остановить.
Тьма облекла тогда б небес эфир,
А власть земную адский взял кумир.

35

Лишь тот, кто свет из скверной тьмы дает,
Мой путь ведет навверх сквозь мрак и зло,
От шалостей детей Ночи спасет
И превратит порочный дух в добро.
А я проверю, наточив остро
Свой разум благородством лучших душ,
Что вместе с душами те призраки свело —
Дневной свет душ и ту ночную глушь —
Природы связь где им родство нашло?

36

Скажи мне ты, Отшельник и Мудрец!¹⁷
В пустыне кто провел те двадцать лет,
Кто бесов всех познал, кто стал отец
Монашескому чину — дал завет.
Число несметно одержал побед
Над демонами. Покажи мне, *Марк*¹⁸,
С горы *Фракийской* твой кровавый след,
Когда тащили демоны¹⁹ тебя с горы во мрак,
Одет ты во власы, хоть был ты раньше наг.

Мор полагал, что воздушный носитель принимают человеческие души, когда они отделяются от тел. Эфирный носитель, как более тонкий по составу, предназначен для ангелов и гениев.

¹⁷ Антоний Великий — (251–356), двадцать лет (285–305) прожил отшельником в пустыне на берегу Нила, преодолев многочисленные дьявольские искушения, после основал монашеское поселение. Чтобы освободить учеников от трудов по добыче для него хлеба, возделывал маленькое поле.

¹⁸ Марк Афинский (270–400) отшельник Фракийской горы в Эфиопии. Согласно его житию, демоны пытались стащить его с горы в низину, содрали с него кожу, но все его тело потом покрылось волосами, предохраняющими его от холода и травм.

¹⁹ «Air-trampling ghosts» — «призраки, толпящиеся в воздухе».

37

Всех видов духов²⁰ существует шесть:
 Лелурион²¹ — один, другим Эфир дал род²².
 Подлунный дух — се первый есть,
 Второй чуть ниже первого живет.
 Земной дух — третий, далее — дух Вод,
 Подземный — пятый дух, последний же —
 Не любит Света²³ он, и Страсть его гнетет —
 Он хищных злей и голодней Зверей²⁴,
 Но глуповатый все ж и туп как неуклюжий изувер²⁵.

38

Коль овладеет человеком²⁶ этот дух,
 Коль в кровь и сердце он легко войдет,
 К добру и чистоте тот станет глух,
 И смерть его тогда быстрее найдет²⁷.
 Лекарства нет от смертных тех забот,
 Ведь, чуждый человеку, дух сей глух,
 Любого Экзорциста не поймет²⁸.
 И *Тартар*²⁹ жуткий не пугает его слух —
 И имя Ангела не устрашат тот дух.

39

Ведь страсти низкие всегда волнуют их
 Иных — ужасный голод лишь томит

²⁰ «Sprights».

²¹ Lelurion — ночной огонь, или свечение.

²² «Next are nam'd from Air», т. е. названы от Воздуха.

²³ «Light-hating ghosts» — призраки, ненавидящие свет.

²⁴ Букв.: «Bear or Wolf with hunger hard opprest».

²⁵ Букв.: «unweildy beast».

²⁶ «forlorn man» — человек, потерявший надежду.

²⁷ «Madnesse and stupor seize / His salvag'd heart, and death dwels in his eyes» — «Безумие и оцепенение захватывают / Его пораженное сердце, и смерть пребывает в его глазах».

²⁸ Букв.: «...no Exorcist can make him hear / But would in vain with Magick words chastise» — «ни один Экзорцист его не опознает / И тщетно подвергать его Магическим словам».

²⁹ Тартар — в греческой мифологии низшая, самая темная и сырая часть Аида, подземного мира.

Из семени от тех червяк пустой возник.
 Других тепло живой крови манит —
 И, присосавшись, как пустой полип,
 Живым потоком утоляют страсть³⁰,
 Так раньше воздух ими был испит,
 За то и суждено им было пасть,
 Но ненасытной стала злая пасть.

40

Вот — четверица духов, низкий род,
 Владеет ими грязь, безумье, лень...³¹
 Фантазия в тех духов не войдет,
 Чтоб снова их вернуть в эфира сень.
 Лишь духи воздуха³² покинут этот плен,
 Меняя тело, — девой станет муж,
 Или телом с Кошкой совершит обмен
 И снова — в человека, вид сих душ,
 Пусть не пугает переменой туш³³.

41

Дух этот быстрый — словно мысль бежит.
 Он то хрипит Свиньей, или рычит как Пес.
 Вдруг — он кувшин с водой и жажду утолит,
 И снова ветер ввысь фантазию унес...
 Но в воздухе вид сущих всех пророс —

³⁰ «Of beasts as well as men» — «как [кровью] животных, так и людей».

³¹ «Such be the four last kinds, foul, dull, impure / Whose inward life and phansy's more inert / And therefore usually in one shape endure» — «Таковы четыре последних разновидности — отвратительные, тупые, нечистые, / Чья внутренняя жизнь и фантазия более инертные. / И поэтому они длительное время сохраняются в одной и той же форме, не меняют её».

³² Т. е. те человеческие души, которые, покинув тела, принимают воздушный носитель.

³³ Букв.: «Like leaping Leopard he'll thee invade, / Then made a man again he'll comfort thee afraid» — «Как прыгающий Леопард Он вторгнется в тебя, / И снова сделавшись человеком, он успокоит тебя, испуганного».

И, словно травы солнцем, этот дух
Освобождает душу — ее рост,
Столь быстрый, что как будто вдруг
Душа уж зрелая глядит на мир вокруг.

42

Дух, как хамелеон, менять умеет цвет,
Размер их мал — и вот уже велик!
Так дождевой червяк сжимается в ответ
Касанью мягкому телесный свой облик.
И, как нам пел Мудрейший тот Старик³⁴,
Кто духа этого бесстрашно рассечет
Надвое, тот увидит яркий блик —
Порыв воздушный с ног его собьет
И вверх начнет невидимый полет.

43

Все это — правда, да и в наши Дни,
Как прежде, люди могут встретить Ведьм³⁵,

³⁴ *Wizzard old* — в английской традиции могущественный волшебник, колдун. Из контекста не ясно, говорит ли Мор о ком-то конкретно. По К. Бриггс, эти волшебники не обязательно были плохими, хотя они были подвержены соблазнам власти и, скорее, склонны использовать ее. Таков был Мерлин, который является примером доброго волшебника, хотя в некоторых случаях его деятельность можно оценить неоднозначно. Он мог бы считаться сверхъестественным волшебником, поскольку он был ребенком Инкуба, изучал магию под руководством знаменитого мага Блеза из Бретани. Знаменитый шотландский *Wizard* Майкл Скот обязан своим причащением к магии приготовлением в пищу «Белой Змеи», когда он обжёт пальцы и приложил их ко рту (*Briggs K. An Encyclopedia of Feiries. Hobgoblins, Browies, Bogies, and other supernatural Creatures. New York: Pantheon Books, 1976. P. 440–442*).

³⁵ *Hags* — в эпоху Г. Мора ведьмами называли не только уродливых старух, которые предавались колдовству, но считалось общепринятым, что существуют и сверхъестественные ведьмы: такие как те, что обитали в стране Фен, или гигантоподобные ведьмы, представление о которых, видимо, было последним отголоском архаической богини-матери (*Briggs K. An Encyclopedia of Feiries. Hobgoblins, Browies, Bogies, and other supernatural Creatures. New York: Pantheon Books, 1976. P. 216*).

Хобгоблинов³⁶, Инкубов³⁷, есть огни
В сухих стволах, что могут лишь скрипеть,

³⁶ *Hobgoblins*, Хобгоблины — домашние духи в английской мифологии и фольклоре, видимо, родственные по функциям латинским ларам, славянскому домовому. *Hob* — уменьшительная форма имени Робин, которое само по себе является уменьшительной формой имени Роберт, использовалась как дружелюбное обращение к потусторонней силе, чтобы скрыть страх. По Кэтрин Бриггс, используется пуританами для обозначения как злых духов, так и дружественных духов типа *Brownie* (Брауни, маленькие человечки, ростом три фута, характерно одетые в одежду коричневого цвета, с коричневыми лицами и лохматыми головами, которые выходят по ночам и выполняют работу, которая была оставлена прислугой, они занимаются фермой или домом, в котором они живут, убирают урожай, стригут овец, следят за домашними животными, выполняют поручения и дают полезные советы в случае необходимости). Хобгоблины не принадлежат к «*trooping Fairies*» (организованным в группы волшебным существам), как не принадлежат и к демонам и Гоблинам, хотя «мерцающие» и другие обманчивые духи могут быть включены в эту категорию. В целом они веселы и готовы быть полезными, но любят пошутить и поэтому могут раздражать людей. У. Б. Йейтс (W. B. Yeats) в своей книге «Ирландские Феи и народные сказки» (“*Irish Fairy and Folk Tales*”) делит Волшебные существа на два основных класса: *Fairies*, организованные в группы, и одинокие *Fairies*. Такое же различие делает Джеймс Макдугалл (James Macdougall) в «Народных сказках и волшебных легендах» (“*Folk Tales and Fairy Lore*”). Это различие имеет силу на всех Британских островах, где поддерживаются сказочные верования. Добавляют и третий класс духов — одомашненных фей, которые живут небольшими семейными группами, но, вероятно, их следует присоединить к другим волшебным существам рынков и веселья. *Trooping Fairies* могут быть большими или маленькими, дружелюбными или зловещими. Они, как правило, носят зеленые куртки, в то время как *Fairies*-одиночки носят красные куртки. Существует несколько их разновидностей: от героических *Fairies* до опасного и злобного Слуга (*Sluagh*, покровитель непрощенных мертвецов) или тех миниатюрных *Fairies*, включающих крошечных фей природы, которые устраивают волшебные собрания с танцами и ускоряют рост цветов. Среди «*trooping Fairies*», упомянутых Йейтсом, некоторые настолько малы, что вересковый колокольчик будет размером с их шапку. Некоторые из них — маленькие человечки ростом от трех до четырех футов, феи, которые танцуют и поют на сказочных холмах, те, кто ответственен за *Changelings* (похищение детей, один из старейших элементов веры в духов) и *Fairy brides* («волшебные браки» в легендах о браках и любовных отношениях между божествами и смертными людьми). *Briggs K. An Encyclopedia...* P. 233, 412.

³⁷ Демон, который в снах искушает женщин. Согласно К. Бриггс (*Briggs K. An Encyclopedia...* P. 232), Инкуб был дьяволом, который принимал внешний вид мужчины и возлежал с женщиной, как Суккуб или *Night-Mare*, Ночная Женщина, предполагал аналогичное появление женщины, или *Naagge* (одно из наименований XVI в. для Ночной Женщины, как отвратительного суккуба, который сидит на человеке во сне, сжимая его живот и вызывая ужасные сны), чтобы развратить мужчину. Волшебник Мерлин предположительно был ребенком инкуба. Инкуб упоминается почти в каждой книге XVI в. о колдовстве, и он как-то смутно связан с *Брауни* как дух, которому оставляли молоко в качестве подношения.

Тут лампа прыгает, хоть тяжела в ней медь.
Там оживляют шерсть своей волшбой.
Глазами можно это все узреть —
Ведь часто слышал о таком любой —
И как не верить старине седой³⁸.

44

Поведаю теперь без лишних слов
О юноше из Асторгана я рассказ,
Чья мать, несчастную познав любовь,
И черной желчью исходя, что враз
Ей разум замутила, Дьявольский приказ
Она исполнить — мальчика убить —
Уже решилась, и волшбой тотчас
По воздуху примчались во всю прыть
Гиганты страшные, чей образ не забыть.

45

Поднявши ввысь в мгновение одно —
Быстрей и выше, чем полеты птиц.
По скалам диким бедного его
Влачили те Гиганты верх и вниз.
И вот в крови, хоть был душой он чист,
К Создателю, страдая, он воззвал!
И тот, как будто был всегда он близь,
Домой вернуть Гигантам приказал,
Где дьявол от родни его отстал³⁹.

³⁸ «Or prov'd by sight or self confessions, / Which things much credence gain to past traditions». — [это в нынешнем веке] Или имеет очевидцев, или является собственным признанием [сущест, которые осуществляли то, о чём говорится в этой строфе] — что придает больше доверия рассказам/преданиям прошлого».

³⁹ См. *Remy Nicolas. Daemonolatreiae libri tres*. Lyon, 1595, английский перевод: *Remy Nicolas. Demonolatry* / edited by Montague Summers and translated by E. A. Ashwin. Mineola, NY: Dover Publications, Inc., 1930, 2008. P. 114–115.